

Коньэр (𐌺𐌹𐌺) — имитация звучания иностранных слов с помощью похожих по звучанию иероглифов, часто без оглядки на их истинный смысл.

Закончив разучивать детскую песенку, Сиэт отложил арфу и взглянул на Спериэна, который, сгорбившись, что-то неистово строчил и чертил в своей тетрадке.

С тех самых пор, как Спериэн попросил тетрадь и перо, он прилежно что-то писал на каждом занятии.

Почему именно «писал»?

Потому что то, что он выводил, напоминало письма, но ими не являлось. Кривые, неразборчивые закорючки совершенно не поддавались расшифровке. Однако каждый раз, когда малыш запинаясь посреди предложения, он листал свою тетрадь, сверялся с записями и продолжал говорить.

Хотя его произношение всё ещё оставалось далёким от идеала, по крайней мере, теперь его можно было понять.

Учитывая особые обстоятельства Спериэна, Сиэт часто давал ему дополнительные уроки, исправляя ошибки в произношении, пополняя его словарный запас и досконально разбирая каждое слово и предложение.

Спериэн вёл себя крайне почтительно, усердно учился и задавал вопросы, когда чего-то не понимал. Но, несмотря на все усилия, результаты оставляли желать лучшего.

Сиэт искренне недоумевал.

И феи, и эльфы были любимчиками Бога Света, одарённые врождённым талантом и способностью к языкам. Известные на всём континенте как выдающиеся лингвисты и переводчики, они пользовались огромным спросом. Отряд авантюристов, в котором был эльф или фей, мог беспрепятственно путешествовать по самым разным странам, не имея проблем с языковым барьером.

Однако после Войны Богов Король Эльфов запечатал Лес Фей, отстранившись от мирских дел и разорвав почти все связи с внешним миром. Лишь горстке фей и эльфов, отправляемых для получения опыта, разрешалось маскироваться под людей и странствовать по континенту. Возвращаясь, они приносили с собой ценные сведения.

Таким образом, даже не покидая родного леса, феи и эльфы могли понимать, что происходит во внешнем мире.

Более того, в Хрустальном Замке Эльфийского Королевства находилось огромное магическое зеркало. Сотворив заклинание, в его отражении можно было увидеть всё, что душе угодно.

Впрочем, это он отвлёкся.

Короче говоря, Спериэн, абсолютно лишённый врождённого таланта к языкам, выглядел настоящей аномалией среди фей.

Разумеется, Сиэт и не думал бросать Сперизна из-за этого.

Феи были расой, отчаянно души не чаявшей в своих малышах.

Даже если малышу с трудом давался эльфийский язык, они терпеливо учили его снова и снова.

Шу Ли закончил записывать детскую песенку с помощью коньэр и поднял взгляд, встретившись с лазурными глазами Сиэта. Он тут же виновато прихлопнул тетрадку, но затем вспомнил, что писал китайскими иероглифами, которые Сиэт ни за что не смог бы понять, и смело раскрыл её обратно.

Десять лет занятий каллиграфией не прошли даром. Он мог с лёгкостью переключаться между различными стилями письма. Скоропись была самой быстрой, но и самой неразборчивой; для неопытного глаза она казалась лишь хаотичными каракулями.

Тело феи Шу Ли всё ещё находилось на стадии детёныша, с короткими, пухлыми и нежными пальчиками. Когда он впервые попытался писать, он едва мог удержать перо. Потребовалось четыре или пять дней практики, прежде чем он постепенно приспособился.

Впрочем, иероглифы, которые он выводил сейчас, были бесконечно далеки от его прежнего изящного почерка.

Неудивительно, что у Сиэта было такое неопишемое выражение лица, когда он впервые увидел записи в тетради.

Шу Ли тайком перевёл дух.

«Отлично, он ничего не понимает!»

— Сперизн, тебе нужно говорить громче и чаще! — сказав это, Сиэт лучезарно улыбнулся.

Дети-феи в возрасте до года в основном сосредоточены на освоении разговорной речи. Только научившись свободно говорить, они могут приступить к изучению эльфийской письменности.

Разговорный язык требует практики: не произнося слова вслух, его никогда не освоить по-настоящему.

— Да, — послушно кивнул Шу Ли.

Хотя он понял лишь обрывки слов Сиэта, он всё равно согласился. Когда учитель говорит с учеником, демонстрация установки «Да-да, вы абсолютно правы» в восьмидесяти процентах случаев спасает положение.

Как и ожидалось, Сиэт больше ничего не стал говорить. Он слегка перебрал струны арфы и объявил всем малышам-феям:

— Давайте споём ещё раз.

Знакомая, оживлённая мелодия арфы заполнила воздух.

Малыши дождались окончания вступления, после чего дружно затянули песню.

На этот раз Шу Ли ничего не записывал. Вместо этого он держал свою маленькую тетрадку и, подглядывая в записанный ранее текст коньэр, пел вместе со всеми:

«У меня есть большая крышка от кастрюли,

Она не круглая, а квадратная.

Квадратной крышкой неудобно пользоваться,

Поэтому я отнёс её кузнецу.

Я попросил его переделать её,

Кузнец взял свой молот — бам, бам, бам! —

И квадратная крышка стала круглой.

Я радостно понёс круглую крышку домой,

По дороге мне встретилась старая бабушка.

Она предложила обменять её жареную курицу на мою крышку.

Жареная курица пахла так вкусно,

Что я согласился обменять крышку на жареную курицу.

Жареная курица была ароматной и хрустящей,

Попробовав её один раз, захочешь ещё.

Ла-ла-ла~

Попробовав её один раз, захочешь ещё».

Сизт взял последнюю ноту и улыбнулся Шу Ли.

«А для первого раза совсем неплохо, правда?»

Не считая нескольких неправильно произнесённых слов, в целом получилось вполне приемлемо.

Шу Ли расплылся в улыбке, демонстрируя свои только что прорезавшиеся передние зубки.

Будучи студентом-музыкантом с превосходным слухом, он мог выучить мелодию, услышав её всего один раз. Напевать мотив детской песенки для него не составляло никакого труда, но вот петь слова — совсем другое дело: это звучало так, словно иностранец мучается с китайским языком, коверкая слова сильным акцентом.

Если бы Сиэт понял смысл текста коньэр, он бы точно не улыбался. Он, скорее всего, был бы в полном бешенстве.

Настоящий же текст песенки рассказывал историю об Эльфе и Гноме.

Гномы славились своим кузнечным мастерством, создавая лучшее оружие и доспехи на всём континенте.

Во время путешествия за пределами леса Эльф встретил Гнома, за которым охотился Демонический Змей. Гном молил о помощи, обещая в обмен на спасение жизни подарить шедевр своей работы — высокоуровневый Золотой Лук.

Стрельба из лука была главной специализацией эльфов.

Эльф согласился, прогнал Демонического Змея и спас Гному жизнь.

Однако, оказавшись в безопасности, Гном нарушил обещание и отказался отдавать Золотой Лук.

Эльф не стал настаивать, молча повернулся и ушёл.

Гном издал победный хохот, но не успел он закончить, как Демонический Змей неожиданно появился снова и с новой силой бросился за ним в погоню.

Сидя высоко на ветке дерева, Эльф наблюдал за тем, как Гном в панике улепetyвает, и спокойно убирал флейту, призывавшую Демонического Змея.

Эта детская песенка в иносказательной форме учила невинных малышей думать головой перед тем, как совершать поступки за пределами дома, не спасать кого попало у дороги и держаться подальше от ненадёжных личностей.

Словарный запас Шу Ли был ограниченным, поэтому, когда Сиэт рассказывал эту историю, он улавливал лишь отдельные фрагменты, полагаясь на свои сообразительность и логику, чтобы восстановить ход событий.

Закончив записывать текст, он добавил в конце примечание с истинным смыслом истории, чтобы избежать путаницы из-за слов коньэр.

После целого утра, проведённого за разучиванием детских песенок, настал обеденный перерыв.

Аиша приготовила для малышей роскошное угощение.

У двухмесячных феечек наконец прорезались зубки, и теперь они могли есть прикорм помимо цветочного нектара.

На столе красовались разнообразные сочные фрукты, сладкое джемовое варенье, насыщенное молоко и хрустящее печенье.

Рядом с каждой серебряной мисочкой стояла тарелка для прикорма. Вымыв ручки, малыши уселись со скрещёнными ножками за стол из лиан и с аппетитом принялись за еду.

Шу Ли только что закончил петь про «крышку от кастрюли и жареную курицу» и теперь с вожделием смотрел на уставленный фруктами и сладостями стол, всё сильнее сучая по мясу.

В своём прежнем мире он был убеждённым мясоедом. Но с тех пор как он перенёсся в этот мир, он не видел даже кусочка мяса.

«А если подумать, могут ли феи вообще есть мясо?»

Ему стоит спросить у Аиши.

Доев последнее печенье, Шу Ли издал сытую отрывку и похлопал нежно-зелёными глазами, оглядываясь по сторонам.

Аиша убирала пустые миски и тарелки малышей, когда неожиданно почувствовала на себе пристальный взгляд и повернула голову.

— Малыш Спериэн, тебе нужна помощь? — доброжелательно спросила она.

Шу Ли облизнул губы, помялся и наконец произнёс:

— Это... кушать...

«Чёрт, а как по-эльфийски будет "мясо"?»

Он жестом попросил Аишу подождать, быстро раскрыл свою маленькую тетрадку и стал судорожно искать эльфийское произношение слова «мясо».

Страница, две, три... Странно, почему его нет?

Сизт забыл его научить, или он сам просто забыл его записать?

Шу Ли почесал затылок, захлопнул тетрадь и беспомощно посмотрел на Аишу.

«Ладно, проехали. Подожду, пока не выучу больше слов».

К тому же его зубки выросли лишь наполовину, так что прожевать мясо он всё равно толком не

смог бы.

Услышав от него слово «кушать», Аиша решила, что он всё ещё голоден и хочет добавки. Она положила два небольших фруктика на его пустую тарелку.

Она тщательно рассчитывала порции для малышей, следя за тем, чтобы все, за исключением нескольких особо прожорливых крох, наедались досыта.

— Ешь на здоровье!

Для растущего малыша вполне естественно, когда аппетит растёт с каждым днём.

Шу Ли погладил свой круглый животик и неохотно взял фрукт. Фрукты были настолько малы, что их можно было съесть за один укус, но он уже наелся и не мог впихнуть в себя больше ни кусочка.

Он убрал оба фрукта в маленькую сумочку на поясе, похлопал по ней и посмотрел на Аишу со сладкой улыбкой.

Недавно он попросил у Аиши эту сумочку, чтобы носить в ней тетрадь и перо.

Когда Аиша давала ему сумочку, она объяснила, что это всего лишь простой тканевый мешочек. Только научившись магии, он сможет получить настоящую пространственную сумку.

Глаза Шу Ли засияли от восторга.

Неудивительно, что Аиша и Сиэт часто доставали из своих поясных сумочек крупные предметы — это были те самые легендарные пространственные сумки, заговорённые магией пространства для хранения огромного количества вещей.

Аиша смотрела на милую улыбку малыша, и выражение её лица становилось всё более мягким.

За исключением медленного прогресса в освоении речи, Спериэн был просто образцовым ребенком.

Аиша надеялась, что он преодолеет трудности и освоит эльфийский язык. Всего через месяц малыши-феи покинут Ясли и начнут самостоятельную жизнь в Лесу Фей.

Не умея говорить, им будет легко навредить.

Не подозревая о переживаниях Аиши, Шу Ли отыскал Красненького и Беленького, которые как раз закончили есть и пить.

— Деци, Анджела, пошли играть!

Децио с серьёзным лицом поправил его в энный раз:

— Меня зовут Децио.

Анжель скрестил ручки:

— Я Анжель.

— О, точно, Децио, Анжель, — на автомате ответил Шу Ли. Раньше он смущался, когда путал их имена, но теперь... он даже глазом не моргнул и не покраснел.

На самом деле он знал правильное произношение. Когда он тренировался про себя, он никогда не ошибался. Но стоило ему открыть рот, как губы и язык словно жили своей жизнью, упрямо коверкая звуки.

«Вот уж поистине: думаешь одно, а говоришь другое?»

— Спериэн — большой дурачок! Бе-бе-бе!

Пухлый каштановолосый фейчик высунул язык и перекосил рожицу, дразня Шу Ли.

Шу Ли нахмурился.

Опять он!

Будно — дитя-фей, который постоянно цеплялся к нему с тех самых пор, как обрел разум.

Сказать, что тот строил козни, было бы преувеличением. В конце концов, у малышей простые умы, а эмоции написаны на лицах. Как-то на занятии Сиэт вызвал Шу Ли ответить на вопрос. Шу Ли ошибся три раза подряд, и Будно тыкал в него пальцем и заливисто хохотал.

Сам Шу Ли не придавал этому значения, но Децио и Анжель, яростно защищавшие его, набросились на Будно, и завязалась драка.

С этого момента они стали заклятыми врагами.

Каждый раз, когда Шу Ли неправильно произносил имя или коверкал слово, Будно нарочно прибежал дразнить его, мстя за прежнее унижение.

Шу Ли, будучи взрослым человеком, великодушно отказывался опускаться до уровня ребёнка. К тому же из-за плохой дикции он всё равно не смог бы победить ни в одном споре.

Однако чем больше Шу Ли игнорировал Будно, тем неугомоннее становились насмешки.

— Спериэн — маленький немой! Крошечный-крошечный немой!

Попугайчики-последователи Будно дружно подхватили:

— Спериэн — маленький немой! Крошечный-крошечный немой!

С тех пор как выяснилась абсолютная неспособность Шу Ли к языкам, его авторитет среди малышей-фей стремительно упал. По мере того как у малышей пробуждался разум, проявлялись их индивидуальные характеры, что разрушило слепое поклонение и привело к образованию нескольких небольших группировок.

Будно и трое его приятелей-фей образовали сплочённую группу. Они проводили дни вместе, играя и исследуя Лес Фей.

Хотя влияние Шу Ли ослабло, Децио и Анжель оставались верны ему как своему лидеру и категорически отказывались терпеть насмешки со стороны других малышей.

Децио высунул язык в сторону Будно и задиристо выпалил:

— Бе-бе, Будно сам настоящий дурачок! Он упал в пруд, когда умывал личико, и его чуть не проглотила большая рыба!

Анжель поддакнул:

— А кто плакал, как плакса? Ах да, точно — Будно!

Лицо Будно вспыхнуло пунцовым цветом.

Даже двухмесячным детям-феям уже было знакомо чувство стыда.

Из-за отменного аппетита Будно был заметно упитаннее остальных малышей. Как-то утром, умываясь у пруда, он попытался использовать маленький листочек в качестве импровизированного плота. Листок не выдержал его веса и пошёл ко дну. В тот же миг из глубин всплыла крупная рыба и, широко разинув пасть, стала втягивать воду, чуть не проглотив Будно целиком. К счастью, Аиша вовремя заметила опасность и с помощью магии прогнала рыбу, спасая ему жизнь.

Оказавшись на берегу, Будно перепугался ещё сильнее и забился в безудержных слезах.

Аиша долго успокаивала его, объясняя, что рыбы в пруду — друзья фей и не стали бы есть малышей, пока он наконец не перестал плакать.

К несчастью, остальные малыши стали свидетелями этой сцены и с тех пор безжалостно его дразнили.

Теперь, слыша, как Децио и Анжель снова припомнили этот случай, Будно почувствовал одновременно стыд и ярость. Он надул губы, замахал крылышками и угрожающе рванул на них.

Шу Ли смотрел, как малыши так бегло переругиваются, испытывая лёгкий укол зависти. Не отступая, он заслонил собой Децио и Анжеля и с особым усердием выговорил каждое слово:

— Не... драться... иначе... наказание!

Одному богу известно, каких усилий ему стоило составить такое длинное предложение.

Будно вспомнил наказание Аиши — урезание пайка еды — и резко замер, изо всех сил подавляя гнев.

«Ради еды я потерплю!»

Он выпятил нижнюю губу, обиженно фыркнул и улетел играть в другое место вместе со своими последователями.

Шу Ли с облегчением перевёл дух, закинул руки на плечи Децио и Анжела и с глубоким чувством произнёс:

— Настоящие братья!

Он произнёс эти слова на своём родном китайском языке, но, к его изумлению, Децио и Анжель идеально повторили за ним по-китайски:

— Настоящие братья!

Шу Ли: T^T

«Почему изучение эльфийского даётся мне с таким трудом, а они так легко схватывают китайский?!»

<http://bllate.org/book/19758/1954119>